

ПИТЕР МЭЙ
**ЧЕЛОВЕК
С ОСТРОВА
ЛЬЮИС**

P E T E R M A Y

**THE LEWIS
MAN**

ПИТЕР МЭЙ
**ЧЕЛОВЕК
С ОСТРОВА
ЛЬЮИС**

Роман

Перевод с английского
Алены Цапенко

издательство **act** москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М97

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Мэй, Питер.

М97 Человек с острова Льюис : роман / ПИТЕР МЭЙ ; пер. с англ. А. ЦАПЕНКО. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-17-090457-0

Детектив Дин Маклауд возвращается на родину — остров Льюис. Он уволился из полиции и его единственная цель — забыть прошлое: гибель маленького сына и развод с женой. Но, едва начав готовиться к восстановлению дома своих давно умерших родителей, бывший детектив вынужден отложить планы. В трясине торфяного болота найден неопознанный труп с перерезанным горлом и следами пыток. Опознать личность “болотного человека”, как называют такие “находки” местные полицейские обычно почти невозможно — он мог пролежать в торфяной трясине и тысячу лет. На предплечье мертвеца детективы обнаруживают портрет Элвиса Пресли, а эксперты сообщают о его генетической идентичности с ДНК местного фермера Тормода, страдающего маразмом и плохо соотносящего прошлое и настоящее. Вместе с расследованием убийства на поверхность всплывают трагическое прошлое, семейные тайны и Дину приходится расследовать дело, ведь дочь старого фермера, Маршели — первая и единственная любовь бывшего детектива и хочет знать правду о своем отце.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-090457-0

- © Editions du Rouergue, 2012
 - © А. Цапенко, перевод на русский язык, 2015
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2015
- Издательство CORPUS ®

В память о моем отце

Вот где они живут:
Не здесь и сейчас, а в прошлом, в “там и тогда”.

Филип Ларкин
Старые дураки

Пролог

На продуваемом всеми ветрами острове в трех часах пути от северо-западного побережья Шотландии скудная почва дает людям и пищу, и тепло. Принимает их мертвецов. А иногда, как, например, сегодня, возвращает их людям.

Резка торфа — неотъемлемая часть жизни острова. Семьи, соседи, дети — все собираются на болоте. Дует легкий юго-западный ветер, он подсушивает траву и прогоняет мошкарку. Аннаг всего пять лет. Это ее первая резка торфа, и она запомнит ее на всю жизнь.

Аннаг провела утро на кухне с бабушкой, глядя, как варятся яйца на старой плите. В плите горит прошлогодний торф. Сейчас женщины выходят на болото с корзинами. Аннаг бежит впереди по колкому вереску, вся в радостном предвкушении сегодняшнего дня. Она бежит босиком, разбрызгивая коричневую болотную воду. Вокруг только огромное небо — в разорванных облаках, с редкими

просветами. Белые шарики пушицы раскачиваются под порывами ветра. Скоро бурые пустоши покрываются желто-фиолетовым ковром цветов весны и раннего лета. Но пока они только приходят в себя от зимнего сна.

Вдалеке видны силуэты полудюжины мужчин в комбинезонах и кепках. Позади них ослепительно сверкает на солнце океан, бьющийся о скалы из черного гнейса.¹ Аннаг прикрывает глаза рукой; мужчины нагибаются, и специальные ножи — тараскерр — режут мягкий черный торф на квадратные куски. Земля острова изрыта многими поколениями добытчиков торфа — вокруг окопы глубиной до восемнадцати дюймов. Свежесрезанные брикеты раскладывают вдоль окопов, переворачивая по мере просушки. Через несколько дней добытчики торфа вернутся, чтобы сложить брикеты в треугольные пирамидки, которые ветер будет обдывать со всех сторон. Когда торф окончательно просохнет, его погрузят на тачки и развезут по домам. Брикеты сложат «елочкой» во дворе, и они будут обогревать людей и помогать им готовить пищу всю следующую зиму. Так жители Льюиса, самого северного из Гебридских островов², живут уже много веков. И сейчас, во времена финансовой нестабильности, когда цены на топливо растут, многие владельцы

1 Гнейс (*gneis*, нем.) — горная порода, по химическому составу близкая к гранитам и глинистым сланцам (здесь и далее прим. ред.).

2 Гебридские острова (*Hebrides*, англ., *Innse Gall*, гэльск.) — архипелаг в Атлантическом океане, входящий в группу Британских островов, расположенный у западных берегов Шотландии.

открытых очагов и плит вернулись к традиционному способу отопления. Ведь все, что в таком случае требуется от человека, — это потрудиться и показать преданность Богу.

Но для Аннаг резка торфа — просто приключение. Над болотом дует ветер, девочка смеется и зовет отца и деда. Мать и бабушка громко переговариваются у нее за спиной. Аннаг не понимает, что резчики торфа, на которых она смотрит, чем-то озабочены. А мужчины столпились у торфяного разреза, стенка которого осыпалась у них под ногами. Отец слишком поздно замечает, что девочка бежит к нему, и кричит ей: “Назад!”. Аннаг не успевает остановиться, не успевает среагировать на панику в голосе. Мужчины встают, поворачиваясь к ней, и она видит лицо брата — белое, как простыня. Девочка смотрит туда же, куда и он, — на осыпавшийся торф и торчащую руку. Кожа на ней задубевшая, коричневая, как пергамент, а пальцы согнуты, словно держат невидимый мяч. Одна нога тела зацепилась за другую, голова повернута к болоту, как будто в поисках потерянной жизни. На месте глаз — черные дыры.

Секунду Аннаг барахтается в море непонимания. Потом ее накрывает волной осознания, и ветер срывает с ее губ крик.

Глава первая

Инспектор Ганн увидел машины, припаркованные у края дороги, еще издали. Небо было мрачным, черно-синим; со стороны океана накатывали низкие сплошные облака. Дворники размазывали по ветровому стеклу первые капли дождя. По свинцовой глади океана катились белые барашки невысоких волн. На фоне этого пейзажа синий маячок полицейской машины был едва заметен.

Потрепанные дома Сиадера сгрудились под натиском непогоды. Они выглядели словно бы усталыми, но уже явно притерпевшимися к ветрам и дождю. Линию горизонта не нарушает ни одно дерево, только виднеются старые столбы вдоль дороги да ржавые останки тракторов и машин в пустых дворах. Упрямые кусты, вцепившись корнями в скудную почву, храбро размахивают зазеленевшими ветками. Пушица перекатывается под ветром, как океанские волны.

Ганн припарковался возле полицейской машины и вышел. Порыв ветра сразу подхватил и рас-

трепал его густые темные волосы. Ганн закутался в черную стеганую куртку и пожалел, что не надел сапоги. Первый же шаг на мягкую землю — и холодная болотная вода затекла в его туфли, промочила носки. Инспектор добрался до первой торфяной выработки и двинулся вдоль ее края, обходя кучи торфа, выложенные для просушки. Полицейские воткнули в мягкую почву металлические стержни, оградив ужасную находку. Сине-белая полицейская лента гудела и скручивалась под порывами ветра. От домов, стоявших над скалами в полумиле от места происшествия, несло торфяным дымом.

Над телом стояла группа людей, сутулясь на ветру. Санитары в ярко-желтых куртках, готовые увезти тело; полицейские в черных водонепроницаемых плащах и клетчатых шляпах. После такой находки полицейские перестанут думать, что видели в жизни все. Люди молча расступились, пропуская Ганна. Он увидел полицейского врача, тот осматривал тело, опустившись на корточки, аккуратно сметая крошки торфа затынутыми в медицинские перчатки руками. Врач поднял голову, когда инспектор навис над ним. Ганн впервые увидел, насколько коричневая и сморщенная кожа у трупа.

— Он... цветной? — Ганн нахмурился.

— Нет, это из-за торфа. У нас тут представитель белой расы, совсем молодой — лет двадцать с небольшим, или вообще подросток. Классический “болотный человек”, отлично сохранился.

— Вы таких уже видели?

— Нет, никогда. Но я про них читал. Здесь хорошо растет болотный мох, потому что ветер с океана приносит соль. А когда корни мха гниют, образуется кислота. Она-то и сохраняет тело, практически мумифицирует его. Все внутренние органы должны быть невредимы.

Ганн с любопытством уставился на мумифицированное тело.

— Как он умер, Мёрдо?

— Похоже, его убили. В области груди ножевые ранения, и горло перерезано. Но настоящую причину смерти назовет только патологоанатом, Джордж, — врач встал, снимая перчатки. — Надо увезти тело, пока дождь не пошел.

Ганн кивнул, не отводя глаз от молодого человека, найденного в торфяном болоте. Черты его лица немного ссохлись, но все же любой из прижизненных знакомых узнал бы его. Разложилась только слабая, незащищенная ткань глаз.

— Сколько он здесь пролежал?

Мёрдо рассмеялся, но ветер унес его смех.

— Кто знает? Сотни лет, а может, и тысячи. Это сможет определить только эксперт.